

Цзюньсяо, казалось, воспринял это как нечто ожидаемое, кивнул, после чего, нахмурившись, продолжил изучать новую красную родинку на задней части шеи Бай Кэ. Осматривая её, он не упустил возможности высказать своё мнение:

— Ученики, которых принимают в Врата Хэншэн, с каждым годом становятся всё глупее.

Линь Цзэ:

«...» Чёрт возьми, это что, удар по всем? Это ведь и меня задевает, да?!

Продолжая осматривать красную родинку, Цзюньсяо вдруг покачал головой, глядя на Бай Кэ:

— Нет, продолжать использовать силу ци будет опасно для тебя.

Бай Кэ, нахмурившись, прикоснулся к родинке, вспоминая события прошлой ночи.

Когда он отбросил Бай Линчэня в дом и сам уже собирался последовать за ним, двое людей и три зверя бросились за ним. Затем он почувствовал, как что-то пронзило кожу на задней части шеи, словно червь, проникло внутрь. Ощущение жжения, распространявшееся по всем нервам и достигавшее сердца, было настолько мучительным, что, вспоминая это сейчас, он почти снова чувствовал его.

Позже, перед тем как потерять сознание, он снова ощутил резкую боль в том же месте, что вызвало головокружение и боль в голове. Даже после того, как он очнулся, на задней части шеи оставалось жгучее ощущение жжения. Только когда пальцы Хо Цзюньсяо коснулись этого места, он почувствовал некоторое облегчение.

В тот момент Цзюньсяо, вероятно, подумал, что он хмурится из-за боли от раны, и, не раздумывая, направил в неё прохладную энергию, которая проникла в маленькую, похожую на родинку, рану.

Бай Линчэнь, касаясь задней части шеи, посмотрел на Цзюньсяо:

— Кажется, они что-то вложили в эту рану.

Линь Цзэ почувствовал, как у него по коже пробежали мурашки. Что-то вложили через рану на шее?! Это просто ужасно.

Цзюньсяо, услышав это, резко взглянул, после чего снова положил палец на родинку Бай Кэ. На этот раз, зная, что происходит, он изменил способ циркуляции энергии и вскоре обнаружил нечто.

— Эта штука переместилась в твой верхний даньтянь.

— Верхний даньтянь? — Бай Кэ не понимал, о чём идёт речь.

— Здесь, на лбу, рядом с точкой Шэньтин. — Хо Цзюньсяо вздохнул и убрал руку. — Это место крайне важно, нельзя действовать опрометчиво. Лучше следовать плану.

Сказав это, он замолчал и больше не произнёс ни слова.

Он чувствовал себя крайне раздражённым, даже ненавидел себя за то, что в такой критический момент проявил нерешительность, совсем не как настоящий мужчина.

Но что бы изменилось, если бы он не сомневался? Если бы он попытался геройствовать и силой вытащить эту вещь из верхнего дантяня, это могло бы привести к ещё большим проблемам. Для Бай Кэ, который даже не начал практиковать путь совершенствования, такая сила могла быть не менее опасна, чем сама вещь. Лучше было наблюдать и действовать осторожно.

Так для чего же его наставник сказал «подождать ещё час»? Чтобы закрепить рост этой вещи в верхнем дантяне? Или чтобы убедиться, что состояние Бай Кэ стабилизировалось?

Все продолжали ждать, чувствуя, как время тянется мучительно медленно. Цзюньсяо постоянно направлял прохладную энергию в шею Бай Кэ, которая становилась всё более горячей, и пристально следил за его лицом, боясь, что он внезапно снова потеряет сознание.

Когда стрелка на часах наконец пересекла цифру 12 и двинулась дальше, все мгновенно выпрямились.

Ранее, судя по словам наставника Линь Цзэ, этот час был критическим, и отсутствие каких-либо изменений считалось лучшим исходом. Это был период, когда могли возникнуть экстренные ситуации, как у пациента в критическом состоянии. Поэтому все были крайне напряжены, наблюдая за состоянием Бай Кэ. Цзюньсяо даже приготовил заклинание, готовый в любой момент применить его, если что-то пойдёт не так.

Однако, через час, все затаили дыхание, ожидая ещё десять минут, но никаких аномальных реакций у Бай Кэ не наблюдалось.

— Кроме жжения здесь, я ничего не чувствую. — Бай Кэ, нахмурившись, хотел прикоснуться к родинке на задней части шеи, но Цзюньсяо мягко отстранил его руку.

— Не трогай. — Цзюньсяо продолжал направлять прохладный свет из кончиков пальцев, облегчая боль Бай Кэ.

Бай Кэ:

«...» Кажется, это моя шея?

Он не был человеком, который легко доверяет другим, но в этот момент почувствовал странное доверие к Цзюньсяо. Может быть, это было из-за того, как серьёзно и искренне Цзюньсяо вчера преклонил перед ним колени, называя его наставником. Или из-за того, как естественно и заботливо он относился к нему, что невозможно было игнорировать или отказаться. Это создало странную привычку за короткое время.

Хотя он всё ещё испытывал инстинктивное беспокойство и страх перед тем, кто был сильнее его в тысячи раз, это беспокойство было направлено на других, а не на себя.

С момента знакомства с Хо Цзюньсяо он подсознательно был уверен, что этот высокий мужчина в чёрном никогда не причинит ему вреда.

Поэтому Бай Кэ, немного помолчав, послушно убрал руку, позволяя Цзюньсяо продолжать держать палец на его шее. Прохладная энергия, проникающая через родинку, смешивалась с жгучей болью, создавая ощущение, будто кто-то дуёт на рану.

Он напряг всё своё самообладание, чтобы не шевелить шеей, и его лицо стало неподвижным.

Маленький театр

Каждый ученик Врат Юйшэн после официального посвящения получал от наставника имя, которое сопровождало его на протяжении всей жизни практики.

У Нань и Шэнь Хань получили свои имена довольно рано, но имя Цзюньсяо оставалось незаполненным.

Только через месяц после официального посвящения, когда Бай Линчэнь вернулся из дальнего путешествия, он стоял с мечом на вершине Чертога Юньфу, рядом с огромным чёрным священным камнем. Перед ним бурлило море облаков, а позади падал густой снег.

Хо Цзюньсяо, вызванный туда, вбежал в это обычно запретное место, как обезьяна, и смотрел на стройную фигуру Бай Линчэня с некоторым изумлением.

Бай Линчэнь, не оборачиваясь, взмахнул рукавом, и толстый слой снега на камне разлетелся, открыв высеченные на его поверхности слова:

*

Подними взгляд — увидишь небо, опусти — услышишь пыль. Между подъёмом и опусканием — тысяча ли облаков, десять тысяч лет гор и рек.

*

Хо Цзюньсяо, глядя на эти величественные строки, тихо прочитал их.

Едва он закончил, как Бай Линчэнь произнёс:

— Ты ещё не получил наименования? Тогда пусть будет Юньчжэн.

Этой простой фразой имя Юньчжэн сопровождало Цзюньсяо более пяти тысяч лет, став широко известным.

В те далёкие времена Хо Цзюньсяо, глядя на слова на камне, повторял их снова и снова, чувствуя огромное удовлетворение.

Это удовлетворение почти превратилось в одержимость — в течение следующих двух недель он постоянно копировал эти слова на бумаге, чувствуя, как его сердце наполняется воодушевлением.

Наконец, однажды, не выдержав, Цзюньсяо протянул свою «преступную лапу» к куску тысячелетнего холодного нефрита позади Чертога Юньфу и, держа меч, с лёгкостью выгравировал на нём эти слова.

Когда он закончил последний штрих и отпрыгнул назад, чтобы полюбоваться своей работой, услышал холодный голос:

— Похоже, второй этаж библиотеки придётся открыть для тебя исключительно.

Цзюньсяо, не осознавая, что разрушил любимый холодный нефрит Бай Линчэня, замер на мгновение, затем поднял глаза и жалобно спросил:

— Если я схвачусь за твою штанину и заплачу, как младшая сестра-ученица, это поможет?

Бай Линчэнь без эмоций погладил его по голове и поднял палец:

— Семь дней, четыре шкафа книг.

Цзюньсяо с воплем бросился обнимать его ногу:

— Я виноват! Я болван!

Бай Линчэнь добавил ещё один палец:

— Пять шкафов, продолжай кричать.

«Болван» тут же бросился в библиотеку, словно его подожгли.

<http://bllate.org/book/16844/1549868>